

Рассмотрение богато представленных в иконе реалий подтверждает уже отмеченную ранее характерную особенность: подчеркнута подробное изображение бытовых эпизодов, подсказанных подчас лишь несколькими словами жития, при оставлении иных частей текста (порой весьма значительных) без иллюстраций. Иконные клейма становятся «окнами в исчезнувший мир», подобно многим циклам древнерусских миниатюр, образно и поэтично названных так исследователями.³⁵

Эта черта рассматриваемой иконы становится еще более наглядной и позволяет предположить сознательный замысел художника, если сопоставить памятник с иными иконами того же сюжета.³⁶ В них основное место занимают сцены борьбы Александра с бесами, явления богоматери, ангелов, посмертные чудеса. Все эти иконы, более или менее подробные, иконографически сходны между собой, в то время как икона 1592 г. стоит особняком.

*

Насыщенность бытовыми эпизодами, богатство реалистических, наблюдаемых в жизни деталей свойственны многим произведениям XVI в. Изобилуя в житийных иконах, эти жанровые подробности появляются и в евангельских и библейских сценах, нарушая их привычные, давно сложившиеся иконографические схемы. Например, в известной иконе «Троица в бытии» из Суздальского Покровского монастыря³⁷ показано, как, приготовляя трапезу пришедшим к Аврааму и Сарре трем путникам, служанки месят тесто и пекут хлебы; тут же изображен теленок, сосущий корову.

Наиболее подробно изучена эта особенность живописи XVI в. на материале иллюстрированных рукописей. Именно в миниатюрах она сказалась с наибольшей яркостью. Миниатюры Лицевого летописного свода, Жития Николы, Жития Сергия и других издавна привлекали внимание исследователей, рассматривавших их как важный исторический и археологический источник и отмечавших в них такое же внимание к бытовым моментам, использование художниками отдельных фраз текста для создания жанровых композиций, какое наблюдается и в рассмотренной нами иконе Александра Свирского.³⁸

Ф. И. Буслаев подчеркивал это свойство живописи XVI в., обратившись к примеру миниатюр. Он указывал, что «художники, писавшие эти миниатюры, не могли не присматриваться к действительности, для того чтобы, по требованию текста, воспроизвести в живописных изображениях малейшие подробности нашего древнего быта. Несмотря на отсутствие перспективы, они должны были изображать ландшафты, города, постройки, битвы, дикие, дремучие леса». Художникам пришлось, «оставив в стороне византийские типы и старинное предание», обратиться «к национальным костюмам, обычаям, нравам... По этим миниатюрам наглядно знакомимся

³⁵ А. В. Арциховский. Древнерусские миниатюры как исторический источник, стр. 4; Б. А. Рыбаков. «Окна в исчезнувший мир» (по поводу книги А. В. Арциховского «Древнерусские миниатюры как исторический источник». Изд. МГУ, М., 1944). — Доклады и сообщения Исторического факультета МГУ, в. 4. М., 1946, стр. 36—51.

³⁶ а) Собр. ГИМ, инв. № 53054, XVI в., 14 клейм; б) Собор Василия Блаженного, придел Александра Свирского, конец XVII—начало XVIII в., 16 клейм; в) Собр. Гос. Русского музея, инв. № 1823, в поздней записи, 26 клейм.

³⁷ Гос. Русский музей, инв. № 2138.

³⁸ Во втором Остермановском томе Лицевого свода относящееся к отцу Темир-Аксака сведение о том, что он был «кузнец железный» сопровождается изображением кузницы (л. 971). В житии Сергия миниатюра изображает изготовление свечей, иллюстрируя лишь два слова текста: «свечи скаше» (см.: А. В. Арциховский. Древнерусские миниатюры как исторический источник, стр. 189, 190).